

Глава 9

Политическое поведение

Программные тезисы

- Человек и его действия как исходная сущность и реальность политики. Гуманистический смысл современной политики.
- Человек - субъект (актор) политики. Политические роли. Homo politicus. Коллективные субъекты политики. Политическая социализация и десоциализация. Политизация и деполитизация. Политические темпераменты.
- Поведенческий подход к политике. Многообразие разновидностей понимания политического поведения.
- Психологическая составляющая политического поведения. Три формы проявления человеческой активности: инстинкты, навыки и разумные действия.
- Факторы воздействия на политическое поведение: внешняя среда, потребности, мотивы, установки, личностные особенности, действия и поступки, их обратная связь. Материалистические и постматериалистические потребности.
- Политическое поведение в организованных и стихийных формах. Партийная идентификация. Особенности поведения индивида в толпе. Экстремистское поведение.
- Политическое участие и его виды. Политическая мобилизация. Оптимальные границы и модели политического участия.
- Электоральное поведение. Направления электоральных исследований.
- Кризисы политического участия. Институциональная адаптация, авторитарный ответ и «обволакивание» новой политической активности как способы разрешения кризисов политического участия.

Проблемные вопросы

1. Что является простейшим элементом политики?
2. Что такое политическое поведение? Какова его структура?
3. Каковы основные аспекты поведенческого подхода к политике?
4. Как можно определить политическую установку, мотив, потребность?
5. В чем специфика организованной и стихийной форм политического поведения?
6. Что есть политическое участие?
7. Когда и почему возникают кризисы политического участия?

С. 375: «Суд и наказание Пиночету!» Акция против решения суда отложить судебные действия в отношении бывшего диктатора Чили Аугусто Пиночета. Чили. 10 июля 2001 г.

1. ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ ПОЛИТИКИ

1.1. Человеческие действия — непосредственная реальность политики

В данном разделе книги рассматривается вопрос о человеческом, или личностном, измерении политики, т.е. как выражает себя в ней человеческая природа, прежде всего *психологические качества* людей. Такой угол зрения важен еще и потому, что позволяет лучше понять, в чем смысл интереса к политике, занятий ею, что именно политическая активность может дать личности. В стороне оставлены нормативные мировоззренческие трактовки природы человека, например религиозные и, шире, идеологические, а также этологические концепции (изучают поведение в естественных условиях) и биополитика, которые фокусируют внимание на роли биологических, генетически обусловленных качеств в этой сфере деятельности.

Интерпретация

Создатели теорий человеческой природы с античности стремятся обнаружить и объяснить фундаментальные качества, присущие мыслящим существам. В «*Энциклопедии управления и политики*» (ред. М. Хоксворт, М. Коган, 1992) выделены некоторые весьма влиятельные теории и модели человеческого естества нормативного и биополитического характера:

- теория *Платона* об индивидуальной человеческой природе;
- пессимистическая теория *Томаса Гоббса*, представившего (на основании доступных в то время научных данных) человека в качестве существа, движимого только своим эгоистическим интересом и постоянно жаждущего власти;
- теория *Джона Локка*, считавшего человека изначально социальным существом;
 - концепция *Жана Жака Руссо* о «благородном дикаре»;
- *марксистская* модель социальной природы человека и теория об определяющем значении общества, а также его уклада в формировании человеческих качеств;
- *социальный дарвинизм*, выдвинувший идеи о том, что выживают наиболее приспособленные и что конкуренция в природе и обществе неизбежна и желательна;

— *бихевиористская* концепция *Берреса Фредерика Скиннера* (1904–1990), считавшего человеческое поведение легко поддающимся влиянию общества, что позволяет в прямом смысле создавать требующихся ему людей путем манипуляции социальными условиями;

— *биосоциальные* концепции *Конрада Лоренца* (1903–1989), *Эдварда Вильсона* (род. 1929) и др., настаивающие на стабильности человеческой природы в силу неизменности инстинктов или наследственной предопределенности (весьма реальная возможность целенаправленного генетического вмешательства в них не рассматривается).

Каждому ясно, что люди, социум в целом — основа, а человек — исходная сущность политики. Политику создал именно человек разумный, *Homo sapiens*. Библейский вопрос — «человек для субботы, или суббота для человека?» — в данном случае помогает понять, что образование политической сферы, ее систем, институтов и т.п. имеет смысл лишь постольку, поскольку позволяет людям развивать и полнее реализовывать свои возможности мыслящего существа, свой поистине беспредельный внутренний потенциал.

Сами по себе политические отношения являются в первую очередь особым видом общения между людьми, а лишь потом — в результате сложных соединений и опосредований — связями между разного рода системами, включая политику. В конечном счете политические отношения складываются на основе персонально ориентированных и естественно повторяющихся единичных действий. Именно поведение людей составляет непосредственную реальность, фактуру, живую первооснову, или субстанцию (лат. *substantia* — сущность), политики.

Политика, как и все другие человеческие занятия, возникла в результате вызова, брошенного жизненными обстоятельствами нашим предкам, которые были до той поры высшими приматами, но еще не людьми. Они оказались перед выбором: либо погибнуть как биологический вид, либо воспроизвести свой род иначе, не просто животным, а иным — человеческим, скажем мы теперь, образом. Так, под давлением развивающейся биосферы исходная прокреативная (лат. *procreatio* — рождение, произведение на свет) пока животная функция продолжения рода выходит на более высокий уровень. С тех пор эволюция населяющих Землю живых существ определяется фактором **очеловечивания** (антропогенеза). Непременной составной частью такого очеловечивания становится развитие способностей особых живых организмов согласовывать свои действия, организовываться, обеспечивать достижение целей, важных для всего рода и для каждого из образующих его существ. Именно таким путем возникает политика как специфическая сторона человеческого бытия, связанная с **целестижением**.

Люди, однако, занимаются политикой не только потому, что их вынуждают к этому обстоятельства, но и ради **личного самоутверждения** — отдельных индивидов, их сообществ и рода человеческого вообще. Многие политические философы полагают, что смысл политики (как и любого другого вида жизнедеятельности) состоит прежде всего в том, чтобы совершенствовать ту или иную сторону нашего существования, некие грани личности. В силу этого занятие политикой, вовлеченность в нее могут и должны оказывать на людей развивающее и гуманизирующее воздействие (см. гуманизм*). В этом заключено глубокое гуманистическое содержание политики, которое, разумеется, реализуется лишь при определенных условиях.

1.2. Homo politicus и его роли

Считается вместе с тем, что собственно политическая деятельность способна нанести и ущерб человеку: какие-то негативные качества личности, с одной стороны, и деформированность политических институтов — с другой, обращают благо во зло.

Интерпретация

В обыденном сознании широко растиражирована (в разных формулировках) знаменитая максима британского политика *лорда Актона* (1834–1902): власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. Видимо, с этим связано и мнение о том, что политика — «грязное дело».

Следовательно, важно выяснить, какие политические роли доступны человеку, как он может справиться с ними.

Обратите внимание

Политическая по сути проблема соотношения личности человека и тех ролей, которые он исполняет, наглядно выражена в творчестве великого драматурга *Вильяма Шекспира*. Древнеримский герой Корнолан может поставить свое Я выше всех институтов, всех предписываемых политическими традициями своей родины ролей. В результате личность, оставшаяся без пренебрежительно отброшенных ролей, распадается, и великий герой оказывается бесславной жертвой обстоятельств. В другой пьесе отличный воин Макбет впадает в искушение ролью узурпатора трона; потом личина кровавого тирана подчиняет себе его личность, фактически уничтожает ее. Так абсолютная власть превращает жизнь прежнего героя в «болтовню придурка, наполненную яростью и шумом, но без смысла». Совсем иное

дело, когда юный принц Гарри поочередно примеривает на себя роли своих будущих подданных. Такая школа позволяет ему стать идеальным монархом Генрихом V. Равным образом взросление, обретение жизненного опыта другими персонажами Шекспира, их становление как личностей сопряжены с освоением множества различных ролей, с примериванием личиц, перевоплощениями и т.п.

Можно согласиться с Шекспиром, что человек проявляет свои личностные качества по мере овладения различными политическими ролями. И наоборот, сведение личности к одной лишь личине деформирует и губит человека.

Простейшее определение человека политического Homo politicus: это активная личность, которая посредством исполнения политической роли (ролей) добивается достижения определенных и нужных ему целей. При этом вероятны разные исходы. Роль одного человека может сочетаться с ролями других людей. В результате сложится совместный сюжет, выявятся и будут достигнуты общие цели. Но если обнаружится несогласованность в исполнении ролей, тогда вместо единого действия какой-то фрагмент политической жизни распадется на хаотичные усилия отдельных акторов, которые в лучшем случае хоть частично добьются своего, но с утратами, в т.ч. и личностными. Воспринятая роль может сковать способности или даже уничтожить ее исполнителя. Однако человек в состоянии искусно овладевать разными политическими ролями и именно таким образом реализовать свою политическую — и одновременно человеческую — природу и потенциал.

Человек — основной **субъект (актор)** политики. В общественной жизни люди образуют различные группировки. Одни случайны и непостоянны, хотя иногда оказываются значимыми в какой-то специфический момент политического процесса. Гораздо важнее другие группировки — устойчивые и индивидуализированные. Это составные, **коллективные субъекты (акторы)**, которые в целом сообразуют свое поведение и политическое участие с образцом (моделью) личности, с ее волей, темпераментом, характером, сознанием, действиями и т.п. В политических отношениях группа может функционально выступать вместо индивида («мы будем за него») и, наоборот, индивид — вместо группы («я отвечаю за них»). Вместе с тем полностью отождествлять политическое поведение индивидуального и коллективного актора было бы неверно.

«ooo Великая тайна любого поведения — это общественное поведение... Мне казалось, что я проник в самую глубину человеческого существа, однако ни в самой малой степени я не осмелился бы утверждать ничего о том, как этот человек поведет себя в группе.

Ф. Барлетт, «Вспоминаю»

Границы между различными сферами жизни довольно условны. Отдельные стороны человеческого бытия — не что иное, как аналитические проекции, которые сосуществуют друг с другом здесь и сейчас, т.е. в конкретной точке пространственно-временного континуума. Только их сочетание и взаимоналожение делают возможными многогранность и разнообразие жизни человека. Так, на избирательном участке, исполняя роль голосующего, человек *одновременно* представляет роли мужа и отца, сына и брата, верующего, гражданина своей страны и т.д.

«□□□□ Социальные системы состоят не из людей, а из ролей. Семья, например, состоит из ролей матери и отца, мужа и жены, братьев и сестер. Семья — это только один из наборов взаимосвязанных ролей ее членов, которые также исполняют роли вне семьи в школах, на предприятных, в церковных приходах. Равным образом и политическая система состоит из ролей граждан (nationals), подданных (subjects), избирателей, взаимодействующих, смотря по обстоятельствам, с ролями законодателей, бюрократов и судей. Те же самые люди, которые исполняют свои роли в политической системе, делают то же и в других социальных системах, таких как экономика, религиозное общество, семья и добровольные ассоциации. По мере того как люди вовлекаются в политическое общение, формируют группы интересов, голосуют или же уплачивают налоги, они оставляют неполитические роли и принимают политические. Можно сказать, что в день выборов, когда граждане покидают свои фермы, заводы и учреждения, чтобы направиться на избирательные участки, они пересекают границу между экономикой и политикой.

Г. Алмонд, Дж. Б. Пауэлл, «Сравнительная политология»

Взаимосвязи человека с политической сферой обладают своей динамикой. Он только постепенно вовлекается в политические отношения и осваивает их. Это — процесс становления личности гражданина, человека политического, что проявляется прежде всего в обретении им нужных ролей как своеобразных соединений определенных норм и правил поведения. Включение в политическую жизнь именуется **политической социализацией**, а отстранение от этой жизни, утрата соответствующих знаний и навыков (к примеру, в результате эмиграции) — **политической десоциализацией**. Под **политизацией** необходимо понимать не только умение пользоваться нормами, ролями и т.п., но также их активное и постоянное применение. Антоним данного термина — **деполитизация** — означает вольный или под принуждением отказ от практикования знаний и навыков политического участия. Деполитизация может выражаться в формах *эскапизма*, т.е. в стремлении личности уйти от политической действительности, в

ее социальной пассивности, уклонении от участия в политических процессах, которые в силу тех или иных причин неприемлемы для актора («внутренняя эмиграция»). Вместе с тем деполитизация порой приводит и к болезненному неприятию политических норм. В результате нередко возникает состояние *аномии*, когда утрачиваются какие-либо устойчивые ориентиры и возможности взаимодействия с другими людьми, возникает полная жизненная апатия.

Коллективные политические акторы функционально наследуют и сознательно отождествляют себя с личностным началом, что создает основу для развития таких важных явлений, как политическая воля (воля партии, фракции, парламента, муниципалитета, правительства и т.п.) или **политический темперамент**.

Французские ученые *Жан Мейно* и *Ален Ланселло*, определив политическое поведение как образ действий индивида или группы при их реакции на какое-либо общественное событие (или идею), показали, что такой темперамент в целом служит поддержанию либо упрочиванию характеристик поведения. Политический **темперамент*** нередко представляют как противостояние двух его типов — правого и левого. Иногда к ним причисляют еще и центристский. Британский психолог *Г. Айзенк* разработал иную классификацию политических темпераментов, основанную на пересечении двух осей: радикализм — консерватизм и авторитарность — либеральность. В результате получились четыре течения: авторитарные радикалы (например, коммунисты), либеральные радикалы (социал-демократы), авторитарные консерваторы (фашисты), либеральные консерваторы (умеренные правые).

Интерпретация

Французские политологи весьма подробно занимаются проблемой политических темпераментов на материале не только своей страны, но и многих западных демократий. Рассмотрев идеологические характеристики и стиль поведения двух основных течений, *Жан-Луи Кермонн* пришел к выводу, что правые — это пессимисты, признающие, что на пути изменений существуют препятствия, воздвигнутые самой природой вещей, а левые — оптимисты, находящиеся в постоянных поисках прогресса. *Франсуа Гогель* объяснил соперничество правых и левых тем, что первые — «партия порядка», вторые — «партия движения». Левые предпочитают, чтобы в современном мире неизбежные изменения шли как можно быстрее, правые — чем медленнее, тем лучше.

Однако за общими понятиями правого и левого политических темпераментов скрываются отнюдь не однородные силы. *Рене Ремон* показал, что правые подразделяются как минимум на три течения:

«ультра» (крайние реакционеры вроде фашистов); либералов (признают демократические ценности и нацелены на реформы); националистов (авторитарных, волюнтаристских, т.е. не считающихся с реальными условиями и возможностями, склонных к произвольным решениям, а также к популизму). Сходную работу в отношении левых провел *Жан Тушар*, выделив среди них авторитаристов, гуманистов и центристов.

Некоторые политические аналитики, вслед за психологами, выстраивают разветвляющуюся систему политических темпераментов: 1) слабый тип (меланхолический; гр. *melas* — черный, *chole* — желчь); 2) сильный неуравновешенный тип (холерический; лат. *cholericus* от гр. *chole*); 3) сильный и уравновешенный, но инертный тип (флегматический; гр. *phlegma* — слизь); 4) сильный, уравновешенный и подвижный тип (сангвинический; лат. *sanguinis* — кровь, жизненная сила). Подобная классификация, построенная на учете наличия или дефицита силы, уравновешенности и подвижности психики, вполне приложима к коллективным политическим акторам.

2. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

2.1. Поведенческий подход к политике

Глубинная взаимосвязь политики и реальных человеческих действий исследуется в нашей науке в рамках так называемого **поведенческого подхода** (англ. *behavioral approach*) — **бихевиоризма**. Цель этого направления, возникшего в 1950-е гг., — последовательное проведение принципа учета только поддающихся наблюдению и регистрации фактов политического поведения.

«Поведенческая революция» в период своего апогея во многом напоминала якобинскую диктатуру; в продолжение этой аналогии вряд ли будет преувеличением сказать, что реакция на нее была чисто термидорианской. Бунтари эпохи раннего бихевиоризма, со своей стороны, стремились покончить с формализмом в политике: с политическими институтами, организационными схемами, конституционными мифами и юридическими фикциями — как с чистой воды мошенничеством.

Р. Гудин, Х.-Д. Клингеманн, «Политическая наука: новые направления»

Поведенческий подход акцентирует очень важный исходный пункт всякого восприятия и изучения политики, а именно: непосредственно наблюдаемое, т.е. именно *здесь и сейчас* (лат. *hic et nunc*), единство окружающей реальности и индивидуального опыта человека. Этим началом дело, естественно, не ограничивается. Однако без него сложные образования — политики, конституции, универсальные категории (власть, право и т.п.) — рискуют быть упрощенными до разного рода фантастических либо чисто мыслительных построений.

Одна из проблем поведенческого подхода состоит в том, что человека во всей его целостности нельзя «свести» только к политике либо к какой-то другой крупной специализированной сфере его деятельности — экономике, культуре. Эти сферы представляют собой лишь отдельные стороны неделимого человеческого существования, в каждой из которых личность исполняет определенную роль или набор ролей.

«Поведенческая революция», открывшая новую эпоху в исследовании политического поведения, началась в 1944 г. с давно уже признанной классической работы *Пола Лазарсфельда* и его коллег из Колумбийского университета *Бернарда Берельсона* (1912–1979) и *Хазель Года* «*Выбор народа*», которая была посвящена исследованию выборов, где основное внимание уделялось поведению избирателей в ходе президентской кампании 1940 г. в графстве Эри (штат Огайо).

ЛАЗАРСФЕЛЬД (Lazarsfeld), Пол (1901, Вена — 1976, Нью-Йорк) — американско-австрийский психолог и социолог, внесший большой вклад в изучение массовых коммуникаций, влияния средств массовой информации на общество, президентских выборов; он также способствовал развитию методологии социальных наук (в особенности прикладных дисциплин).

Автор ряда работ, среди которых: «Статистический практикум для психологов и преподавателей» (1929); «Безработные жители Мариенталля» (1933, соавт. М. Яхода, Г. Зайзель; англ. изд. 1971); «Радио и печатная страница» (1940, соавт. Ф. Стэнтон); «Выбор народа. Как избиратель принимает решения во время кампании по выборам президента» (1944, соавт. Б. Берельсон, Х. Года); «Прослушивание радио в Америке» (1948, соавт. П. Кендалл); «Голосование. Исследование процесса формирования мнения избирателя во время кампании по выборам президента» (1954, соавт. Б. Берельсон, У. Макфи); «Личное влияние. Роль людей в потоке массовых коммуникаций» (1955, соавт. Э. Катц); «Анализ латентных структур» (1968, соавт. Н. Генри); «Анализ социальных процессов» (1970, соавт. Ф. Шазель, Р. Будон); «Качественный анализ» (1972); «Введение в прикладную социологию» (1975, соавт. Дж. Рейтс) и др.

Вклад в развитие политической науки. Наибольший интерес с точки зрения оценки значимости идей Лазарсфельда для политологии представляют два его труда — «Выбор народа» и «Голосование», содержащие анализ процессов формирования электорального поведения и влияния на них СМИ, массовых коммуникаций в целом.

Следующей вехой на пути становления новой теории в политологии — поведенческого подхода к политике — стали работа молодых в то время авторов из Мичиганского университета *Альберта Анжуса Кэмбела* (1910–1980), *Филипа Конверса* (род. 1928), *Уоррена Миллера* (1924–1999) и *Дональда Стоукса* (1927–1997) «Американский избиратель» (1960), а также книга *Энтони Даунса* (род. 1930) «Экономическая теория демократии» (1957). Несмотря на открытия Лазарсфельда, продвинувшие политологию вперед, в области изучения электорального поведения утвердилась исследовательская парадигма, известная как *мичиганская социопсихологическая модель*.

ДАУНС (Downs), **Энтони** (род. 1930, Эванстон, шт. Иллинойс) — американский ученый, работающий в сферах политэкономии, проблем управления и урбанизма, один из основоположников теории общественного выбора (англ. public choice).

Автор ряда работ, среди которых: «Экономическая теория демократии» (1957); «Бюрократическая структура и принятие решений» (1966); «Бюрократия изнутри» (1967); «Проблемы и перспективы городов» (1970); «Расизм в Америке» (1970); «Открытие пригородов. Стратегия развития американских городов» (1973); «Федеральные жилищные субсидии» (1973); «Путь к эффективной десегрегации» (1973, соавт.); «Местные сообщества и городское развитие» (1981); «Угладок урбанизма и будущее американских городов» (1982, соавт.); «В дорожной пробке. Как справиться с транспортными заторами в час пик» (1992); «Политическая теория и общественный выбор» (в 2 т., 1998) и др.

Вклад в развитие политической науки. В своей первой книге «Экономическая теория демократии», которая стала одним из главных источников начавшейся в 1950-е гг. «революции рационального выбора» (англ. rational choice) в политологии и определила качественно новую исследовательскую повестку дня, Даунс предпринял попытку, применяя экономические модели и концепции для анализа сугубо политических проблем и отталкиваясь от нескольких простых аксиом, построить на основании дедукции теорию демократической политики, главные действующие лица которой — *рациональные акторы* (как партии и политики, так и избиратели), стремящиеся к максимизации своих целей.

В книге «Бюрократия изнутри» Даунс применил экономические модели для исследования иерархической структуры — бюрократии, которой свойственно

сочетание проблем «утечки власти» (англ. authority leakage) и «бюрократической негибкости» (англ. bureaucratic rigidity). В силу множества не всегда совпадающих интересов и далеко не самого совершенного контроля внутри бюрократической организации происходит ослабление власти начальства по мере того, как его приказы спускаются вниз по иерархической лестнице к тем, кому они адресованы. Эту «утечку власти» обычно пытаются компенсировать усилением централизации, внутренней специализацией и принятием всевозможных регулирующих правил, из-за которых увеличивается степень жесткости (косности) бюрократической структуры.

Обратите внимание

Поведенческий подход — это междисциплинарное направление в политологии. В его развитии участвовали ученые разных специализаций. Миллер («*Политическая наука: новые направления*», 1999) показывает, что истоки исследований политического поведения — во многих общественных науках послевоенного периода. Например, руководитель четверки, ответственной за издание новаторской для своего времени книги «*Американский избиратель*», Кемпбелл по образованию был психологом-экспериментатором, затем (до войны) внес весомый вклад в становление социальной психологии как академической дисциплины. Другой автор, Конверс, был социальным психологом, но работал в рамках социологии. Сам Миллер называет себя «политологом-мутантом», изучавшим международные отношения, методологию и методы исследований в антропологии, социологии и социальной психологии. И только Стоукс получил профессиональное политологическое образование, но затем осваивал математическую статистику, когда появились предшественники компьютеров.

«Поведенческая революция» создала основу для возникновения трех направлений исследований, основанных на традициях и схемах политической социологии, социальной психологии и политэкономии, каждое из которых по-своему трактовало поведение индивида, делающего свой выбор в политике на принципах рациональности и личной заинтересованности.

Важнейшим элементом политической социологии является методологический индивидуализм, в соответствии с которым отдельные граждане и их политический выбор составляют первичные объекты изучения (А. Пешворский, 1985). Однако отдельный актер рассматривается не изолированно, а в контексте тех обусловленных его окружением ограничений и возможностей, которые влияют на модели социальных взаимодействий, получение политической информации и осуществление политического выбора. В то же время методоло-

гия, центром которой является индивид, требует четкого определения каналов взаимного влияния индивида и его окружения. Недостаточно показать... что тот, кто живет среди других рабочих, скорее всего будет голосовать за социалистов. Также необходимо выделить и механизм влияния. Эти рабочие проголосовали за социалистов, потому что общались с соседями-социалистами или с местным партийным функционером? Почему на них повлияли именно соседи (или функционеры)?

Таким образом, важная часть социологического изучения политического поведения связана с развитием, выявлением и оценкой альтернативных моделей влияния, моделей, которые предполагают, что индивид находится в центре событий. Неудивительно, что происхождение многих моделей связано с политической психологией и политэкономией.

Э.Г. Карминес, Р. Хакфельд, «Политическая наука: новые направления»

Категория **политического поведения*** воспринята из психологии бихевиоризма, специализирующейся на изучении наблюдаемого поведения, т.е. только тех его проявлений, которые регистрируются со стороны, исключая политические взгляды, убеждения и прочие субъективные компоненты действий человека в сфере политики. Политические бихевиористы (среди них — *Дэвид Истон*) предложили *ситуационный подход*, рассматривающий три вида среды: физическую, органическую, социальную; они объективны, их можно контролировать и наблюдать извне. Задача исследователя состоит в том, чтобы выявить взаимосвязь (корреляцию) между поступками человека и факторами среды. Так, одним из важных направлений изучения демократии является установление зависимости между объективным фактором — уровнем социально-экономического развития — и утверждением демократического режима. Например, *Сеймур Мартин Липсет* выдвинул гипотезу о прямой зависимости этих двух параметров.

Другая разновидность той же трактовки поведения — теория политического обмена (рынка) *Питера Блау* (1918–2002), согласно которой разные участники политического процесса вступают в него, соревнуясь друг с другом, как это происходит в экономике: кто больше вносит средств, тратит времени и сил, тот может рассчитывать на большее вознаграждение от политики. Само политическое поведение истолковывается в качестве результата рациональных решений о том, что индивиду более выгодно. Эта модель применяется также для прогноза итогов выборов и для анализа принятия решения лидерами. В ней человек рассматривается как полностью рыночное существо (лат. *homo oeconomicus*), а его эмоциональные порывы и стихийные поступки, ценности и взгляды обойдены вниманием.

Для теоретиков **конфликта**, например *Гарри Экстайна* (1924–1999), характерно представление о том, что политическое поведение обязательно обречено на конфликт: либо внутри-, либо внешнеполитический. Конфликт и согласие трактуются как два нормальных состояния человеческого существования. Но в политике (в отличие от выяснения отношений с помощью схватки) конфликт облекается в некие условные формы, предполагающие признаваемые обществом способы разрешения спорной ситуации (договор об общественном согласии или о ненападении, операции по поддержанию мира и т.п.).

В целом в политологии под термином «политическое поведение» понимают: 1) действия отдельных акторов и массовые выступления; 2) активность организованных субъектов власти и стихийные действия толпы; 3) акции в поддержку системы и действия, направленные против нее. Голосование против какого-то кандидата и неявка на выборы (абсентеизм; лат. *absens* — отсутствующий) тоже трактуются как формы политического поведения. √

2.2. Психологические составляющие политического поведения

Поиск причин, объясняющих содержание политического поведения, дополняется исследованиями собственно психологической природы тех поступков, которые совершают граждане.

Современные объяснения политического поведения базируются на самых разных методологических основаниях, но все они так или иначе вводят в схему «стимул — реакция» промежуточные факторы (какое-то «среднее звено»), которыми могут быть по отдельности установка, мотив, убеждение или ценность, принадлежащие индивиду либо группе.

Интерпретация

Как заметил американский политический психолог *Фред Гринстайн* (род. 1930), поведение — это функция, обусловленная ситуацией, складывающейся в окружающей акторов среде, и теми психологическими predispositionами (т.е. системой предрасположенностей к некоему восприятию условий деятельности и к определенному в них поведению), которые они приносят в обстановку.

Это означает, что никакую форму поведения нельзя истолковать лишь как прямой результат воздействия политических стимулов. За исключением, может быть, самых простых проявлений активности, предпринятых ради выживания, все остальные поступки опосредованы самой политической деятельностью, ее отражением в мышлении и чувствах людей.

«□□□□» В исследованиях политического поведения ортодоксы полагали, что люди формулируют свои установки (по основным вопросам) или предпочтения (в моделях «голосования по проблеме»), которые они субъективно осознают, а затем прямо воплощают в своих действиях. Эта точка зрения игнорирует множество вариантов, когда ограничения, связанные с ситуацией (такие как взаимодействие или взаимозависимость), могут помешать установкам или предпочтениям выразиться в поведении и, возможно, даже быть осознанными.

П. Даниливи, «Политическая наука: новые направления»

Независимо от того, каким термином пользуются психологи, они различают три формы проявления человеческой активности: инстинктивную, навыки и разумную. Такая психологическая классификация форм деятельности полезна и в описании политики.

Инстинкты (лат. *instinctus* — побуждение) — это врожденные модели поведения, определенные биологически и задающие направление энергии поведения. Среди психологов пока нет согласия в вопросе о границах действия инстинктов у человека, но общепризнанным сегодня является положение о том, что значительное число форм поведения имеет инстинктивный характер. Одни ученые насчитывают несколько десятков подобных инстинктов, другие — даже тысячи. Набор инстинктов включает как все автоматизмы (гр. *automatus* — самопроизвольный) в поведении человека (дыхание, ходьба и пр.), так и более сложные врожденные потребности (самосохранение, продолжение рода, любознательность и множество других).

В политике выражаются все человеческие инстинкты — от агрессивности до жадности и от солидарности до самосохранения. Собственно инстинктивная основа политического поведения указывает прежде всего на направленность энергии тех или иных поступков, которые далеко не всегда осознаны самим человеком.

Инстинкт *самосохранения* толкает политиков на борьбу за власть и объясняет некоторые нерациональные с точки зрения здравого смысла поступки. Специалисты до сих пор спорят о причинах жестокости таких деятелей, как А. Гитлер или И.В. Сталин. Рассматривая личность Сталина, некоторые политпсихологи приходят к выводу, что именно его потребность оградить свою травмированную самооценку от любых сравнений с выбранным им с юности образцом (В.И. Лениным) побуждала его избавляться от конкурентов, выдвигать грандиозные проекты по переустройству страны и т.п.

«□□□□» Сталин действительно был поглощен идеей захвата и упрочения власти, но цель, к которой он стремился, была более амбициозной, и в конечном счете власть была лишь необходимым средством достиже-

ния этой цели. Цель жизни Сталина сводилась к тому, чтобы стать преемником Ленина и быть признанным в качестве второго Ленина российском коммунистическом движении, вождя, обладающего высшими талантами, под руководством которого совершаются новые подвиги, сравнимые по историческому значению с большевистской революцией 1917 г. В Советском Союзе в 30-е годы получило широкое распространение изображение профиля Сталина на фоне профиля Ленина, подпись к которому гласила «Сталин — это Ленин наших дней». И Сталин верил в эти слова.

Р. Такер, «Сталин. Путь к власти 1879–1929. История и личность»

Жестокость, насилие, агрессия — тоже инстинктивные виды поведения. Одни авторы полагают, что они являются врожденными. Другие видят в них результат научения. Третьи исходят из представления об агрессии как реакции на фрустрацию (лат. *frustratio* — обман, неудача; психологическое состояние, возникающее при разочаровании, неосуществлении значимой для человека цели, потребности). Однако помимо агрессии фрустрация вызывает и иные инстинктивные ответы: апатию, регрессию, подчинение и избегание. В политике все эти проявления трактуются как реакция на некоторые события или обстоятельства, в которых действуют субъекты поведения.

Победа революционеров придала деструктивности Гитлера окончательную и бесповоротную форму. Революция посягала на него самого, на все его ценности и тщеславные мечты. Он отождествлял себя самого с Германией. Он чувствовал себя еще более униженным оттого, что среди участников мюнхенского путча были евреи, в которых он уже много лет видел своих заклятых врагов и которые теперь вынуждали его с горечью наблюдать за крушением его националистических, мелкобуржуазных идеалов. От ощущения столь страшного унижения можно было избавиться лишь путем физического уничтожения всех тех, кого он считал виноватыми... Неудачи Гитлера обострялись постепенно... Каждый провал наносил его нарциссизму еще более глубокую рану, еще более глубокое унижение; и в той же степени, в какой росли его неудачи, усиливались его мстительные фантазии, слепая ненависть и некрофилия, корни которых следует искать в его злокачественном инцестуозном комплексе. Когда началась война, казалось, пришел конец его неудачам. Но это было не так, его ждало новое унижение: разгром немецких армий и победа революционеров. На этот раз у Гитлера была возможность отождествить свое личное унижение и поражение с поражением и унижением всего общества, нации в целом: это помогло ему забыть свой личный провал. На этот раз не *он* был разбит и

унижен, а Германия. Когда он мстил и спасал Германию, он мстил за себя самого; смывая позор Германии, он смывал и свой собственный позор.

Э. Фромм, «Анатомия человеческой деструктивности»

Солидарность — инстинктивное поведение людей, которые способны не только соперничать, но и сотрудничать друг с другом. В основе солидарности в политике лежит самоотжествление человека с определенной группой, партией, нацией, позволяющее объединить усилия членов этих сообществ для достижения единых целей и интересов.

Обратите внимание

Классические разновидности солидарности — различные акции протеста, принятые в поддержку своих товарищей, когда, например, работники отрасли объявляют готовность к забастовке, чтобы поддержать то предприятие, которое находится в конфликте с администрацией.

В целом инстинкты охватывают все бессознательные, иррациональные, чувственные формы политического поведения как отдельного индивида, так и организованных групп, стихийные выступления масс.

Вторая форма поведения — **навыки**. В отличие от врожденных инстинктов большая часть типов человеческого поведения является результатом прижизненного научения. Соответствующих политических навыков требует поведение государственного деятеля и обычного избирателя, партийного чиновника и участника общественного движения. Навыки — это определенные *умения*, которые требуются для выполнения своих ролей и функций любым участником политического процесса; *привычки*, образующиеся у граждан в конкретной политической культуре; *стереотипы* как следствия повторения неких политических действий и, помимо всего прочего, упрощающие принятие решений.

Политические умения и компетентность (лат. *competentis* — соответствующий, способный) предполагают, что гражданин знает, что именно он должен делать в своей политической роли и как добиться желаемого им результата.

Интерпретация

Распространена точка зрения, согласно которой рядовые граждане, воспитанные в условиях авторитаризма, не имеют навыков демократического участия. Это предположение — основа многих объясне-

ний неэффективности реформ и сложностей переходного периода. Однако такое мнение не всегда соответствует политико-психологическим данным.

Конечно, старые навыки, позволявшие адаптироваться к прежней политической системе, не способны в любой момент помочь действовать в новых ситуациях и справляться с очередными проблемами. Здесь исследователи сталкиваются с некоторыми парадоксами. Так, раньше населению социалистических стран был привит стойкий политический навык участия в выборах; более того, число голосующих превышало 90% избирательного корпуса, независимо от того, насколько сам факт голосования влиял на принятие государственных решений. С началом демократизации наблюдается снижение числа участвующих в голосовании. Если в выборах в Верховный Совет СССР в 1989 г. приняли участие 90% граждан, то в парламентских выборах 1993 и 1995 гг. в РФ — только чуть больше половины избирателей. Если в 1990 г. на выборы в республиканские и местные органы власти пришли около 80% голосующих, то в конце этого десятилетия явка избирателей была столь низкой, что во многих случаях даже не был преодолен порог в 25%.

Одновременно с утратой одних политических навыков граждан посткоммунистических стран приобрели другие. Электоральное поведение становится хотя и менее массовым (можно, видимо, говорить об утрате подобного навыка у большого числа граждан), но зато повысилась компетентность голосующих. В отличие от начала 90-х гг. на их основе люди меньше ориентируются на личные симпатии и больше на то, какие политические позиции выражают кандидаты, какими профессиональными и деловыми свойствами они обладают. Появились качественно новые политические навыки, которые были приобретены в забастовках, голодовках, несанкционированных захватах общественных зданий, пикетах и многих других формах поведения.

Компетентность в политическом поведении становится все более необходимой по мере усложнения самих его форм. Лидер должен быть гораздо компетентнее, чем рядовой исполнитель той или иной политической роли. Например, вопрос о сменяемости лидеров как условия соблюдения принципов демократии продолжает оставаться спорным. Понятно, что уход вместе с президентом всей его администрации, замененной новыми, менее опытными политиками, снижает уровень компетентности в управлении государственным организмом. Но практика показывает, что и бессменное руководство таит свои опасности, среди которых главная — застой в обществе.

Все государства заинтересованы в том, чтобы население обладало определенным набором навыков, для чего создаются специальные институ-

ты, отвечающие за политическое просвещение и тренировку в исполнении ряда политических ролей. Так, лидеры подбираются из тех граждан, которые получили опыт общественной и собственно политической деятельности в молодежных и иных организациях. В ряде стран существует система обучения уже избранных парламентариев. В других политиях для того, чтобы стать кандидатом в депутаты, нужно предварительно обрести знания и навыки, необходимые для законотворческой деятельности. Не случайно среди парламентариев много юристов, людей с учеными степенями в области социальных и политических наук.

Разумные действия — третью форму поведения в политике — понимают неодинаково. Одним из критериев разумности может быть эффективность (соотнесение цели с результатом); другим — степень осознанности политических действий; третьим — соответствие высшим ценностям, поставленным во главу угла проводимой политики. Но как бы ни оценивался этот вид политического поведения, главной характеристикой, отличающей его от двух предыдущих, является выраженное *целенаправление*.

Для обеспечения политическому процессу целенаправленного характера, объединяющего разных его участников, применяются различные средства. В первую очередь эту задачу решают всевозможные программы, идеологические схемы, доктрины, концепции конкретных акций, кампаний. Особое значение для политического поведения и индивидуального и коллективного актора имеет *идеология* как концентрированное и систематизированное выражение целей и ценностей в политике. Тем не менее поведение никогда полностью не совпадает с обозначенными в доктринах ориентирами. Исследования массового политического поведения показывают, что в разных странах только незначительное количество людей в своих поступках руководствуется идеологическими соображениями. Американский политпсихолог Конверс полагает, что число таких граждан колеблется в пределах от 10 до 25%.

Обратите внимание

В бывших социалистических странах долгое время идеологические формулы организовано и системно внедрялись в сознание населения. В переходный период эти схемы активно разрушались новыми властями, которые видели в них препятствие для реформирования политической системы. Но никто из реформаторов в таких государствах не построил вместо разрушенного новой эффективной модели, которая отличалась бы устойчивостью и целостностью. В мемуарах тех, кто инициировал реформы, нет фактов, подтверждающих, что преобразования были начаты по какому-то плану, теоретической схеме, не говоря уже об их идеологическом обеспечении.

Знакомство с программами новых партий и движений в странах, находящихся в процессе перехода, показывает, что в ряде из них пока отсутствует четкое представление о том, что и в какой последовательности реформаторы собираются сделать, каковы иерархия целей и приоритет ценностей. Исследования индивидуального политического сознания политиков и рядовых граждан демонстрируют, что и через 10–15 лет после начала преобразований во многих головах как тех, так и других царит хаос. Если прав Конверс, что только небольшая часть людей имеет связную систему идей, то, очевидно, у политической элиты этот процент должен быть выше. Нельзя осуждать нынешних посткоммунистических политиков за частую смену взглядов — они находятся в поиске. Но проблема в том, что этот поиск не завершается ясными выводами о том, каким именно курсом они ведут свою страну, и почти не просматриваются попытки объяснить цели реформирования обычным гражданам.

Выделение трех форм политического поведения — инстинктов, навыков и разумных действий — полезно для решения аналитических задач. В реальности поведение включает все три формы. Разделить осознанные и бессознательные элементы в поведении не всегда возможно. Вместе с тем помимо дилеммы «сознательное — бессознательное» структура политического поведения включает в себя и ряд конкретных психологических элементов, учет которых делает его изучение более достоверным и детальным.

2.3. Факторы воздействия на политическое поведение

Политические психологи, занимающиеся поступками человека (будь то лидер или рядовой гражданин, индивидуальный участник либо массовый субъект политики), исходят из того, что для понимания самого поведения необходимо рассматривать его как причинно обусловленное и направленное на достижение определенных целей.

Существуют различные схемы объяснения истоков того или иного типа политического поведения. Одна из самых популярных — пятичленная «карта для изучения личности в политике», предложенная американским психологом *М. Брюстером Смитом* и несколько усовершенствованная *Гринштейном*. Политическая система влияет на непосредственные предпосылки поведения человека. Одновременно обстоятельства ближнего социального и политического окружения, с детства и до настоящего момента жизни формирующие личность, определяют те элементы личностной структуры — оценивающие объект, посредничающие в отношениях с другими

людьми, обуславливающие эго-защиту (т.е. защиту себя), а также установки, — которые направляют образ действий человека в политике.

Иные схемы выделяют наличие не только условий и среды, «создающих» поведение, но и цель, на которую оно ориентировано. Независимо от теоретических разногласий, все авторы считают необходимым учитывать в формировании поведения: 1) внешнюю среду, посылающую стимулы субъекту поведения; 2) потребности действующего индивида или группы; 3) мотивы, которыми руководствуется субъект; 4) установки, ценности, ориентации, убеждения и цели субъекта; 5) личностные особенности ролей, стилей принятия решений, межличностных отношений, мышления (когнитивный стиль); 6) собственно действия и поступки; 7) обратную связь между поведением и условиями. Важнейшие элементы данной схемы — внешняя среда, потребности и мотивы.

Политическое поведение начинается с тех побуждений к действию (стимулов), которые посылает человеку **внешняя среда**. Сама политическая система и отдельные ее институты предъявляют свои требования к поведению людей. В одних обстоятельствах они ожидают от граждан высокой активности, в других — вовсе не поощряют их к выступлениям даже на стороне системы. Стимулами для поведения могут служить политическая ситуация в целом и конкретное событие. Следует также учитывать и роль так называемого группового климата, т.е. воздействие ближайшего окружения на принятие человеком решения о том или ином политическом поступке. Побудительными причинами поведения политиков и обычных граждан бывают разнообразные воздействия среды, в числе которых есть и общие для всех, и сугубо личные. Но все эти внешние для человека влияния не срабатывают автоматически — они дают эффект, только когда преломляются через внутренний мир личности.

Среди внутриличностных факторов, определяющих поведение в политике, первыми выступают **потребности**. Трудно себе представить, чтобы политика породила у человека какие-то особенные потребности, если не считать навязчивого стремления стать губернатором, мэром, министром или президентом, довольно, кстати, распространенного среди людей, уже связанных с этой сферой. В политике действуют *обычные* человеческие потребности, среди которых можно встретить любопытство, стремление к свободе или к признанию, необходимость удовлетворить материальные нужды. Известный американский ученый, один из основоположников и лидеров так называемой гуманистической психологии, *Абрахам Маслоу*

*Абрахам МАСЛОУ
(1908, Бруклин — 1970,
Калифорния) — амери-
канский психолог.*

в книге «*Мотивация и личность*» (1954) построил оригинальную классификацию потребностей. Он предложил разделить их на пять ступеней, расположенных по возрастающей: 1) потребности материального существования; 2) потребность в безопасности; 3) потребность в любви; 4) потребность в самореализации; 5) потребность в самоактуализации. Данная классификация помогает распределить многообразные человеческие нужды по мере их возвышения. Маслоу предположил, что потребности более высокого уровня человек может удовлетворить лишь тогда, когда более низкие ступени уже пройдены. Это не означает, что поиском достойного социального статуса следует заниматься только на сытый желудок. У Маслоу речь идет об ограничении, которое накладывают нереализованные низшие потребности на восхождение человека к самоактуализации.

Интерпретация

А.И. Юрьев в книге «*Введение в политическую психологию*» (1992) объединил несколько концептуальных схем и предложил собственную таблицу классификации потребностей применительно к политическому поведению.

1. Потребность в сохранении жизни	Потребность в продолжении рода	Потребность в сотрудничестве	Потребность в ориентации
2. Безопасность, защита от боли, страха, гнева	Любовь, нежность, признание, голод, жажда	Самоактуализация, самоуважение, достижение самоидентификации	Понимание, осмысление, знание, идентификация
3. Длительное существование, жизнеспособность, готовность идти на жертвы во имя выживания и самосохранения нации	Энергия, упорство, изобретательность, восстановление численности населения после катастрофических потерь	Расовое, этническое разнообразие; юридическое и фактическое равенство наций	Способность изменять режим, подходящий для защиты независимости и национальных ценностей

Многие ученые согласны с тем, что в современном мире существуют потребности двух типов: материалистические и постматериалистические.

по терминологии *Рональда Инглхарта*. К первым относятся все нужды материального плана, связанные, например, с владением деньгами, домом, автомобилем, одеждой, а также достаточное питание, т. е. экономические достижения. К постматериалистическим причисляют потребности (здесь Инглхарт чаще использует понятие ценностей) в любви, самореализации, самоактуализации и т.д. Эти серьезные стимулы побуждают людей к политическому участию.

По исследованиям Инглхарта еще 1960-х гг. молодые люди в индустриально развитых странах росли в эпоху, когда их базовые материальные надобности были удовлетворены, что вывело на первый план такие потребности, которые способствовали бы их самовыражению вообще и в политике в частности. Так, первые поколения хиппи, устав от буржуазных ценностей потребительства, стремились к ценностям любви, ненасилия. Им на смену в 1980–1990-е гг. пришло новое поколение, озабоченное прежде всего качеством жизни, защитой окружающей среды, экологией культуры и человека, сохранением мира и т.п.

Обратите внимание

Примечательно, что на Западе «материалисты» по-прежнему сосуществуют с «постматериалистами». Однако уже в 1970-е гг. их соотношение по всем демографическим группам было 3 к 2 (у самых старших возрастов — 10 к 1), что можно назвать *революцией сознания*, сильно отличающейся от тех социальных революций, которые происходили ранее.

Очевидно, что предложенное Инглхартом деление акторов на «материалистов» и «постматериалистов» отнюдь не всеобщее и подходит (с оговорками) прежде всего к развитым западным странам. Вместе с тем как тенденция оно представляет интерес в том числе и применительно к изучению динамики массовых ориентаций и политического поведения в разных современных обществах.

Интерпретация

В книге *«Модернизация и постмодернизация. Культурные, экономические и политические изменения в 43 странах»* (1997) *Инглхарт* представил результаты своего последнего по времени исследования. Этот самый дорогостоящий в современных социальных науках проект позволил провести анализ потребностей (ценностей) почти на всех континентах. Ради этого была предложена шкала для измерения 12 разновидностей материалистических и постматериалистических потребностей. Работа показала, что хотя наборы данных потреб-

ностей в разных политических культурах выглядят неодинаково, но тенденция к преобладанию постматериалистических ориентаций наметилась и в глобальном масштабе. Оказалось, что в бывшем СССР, странах Восточной Европы и в Китае развитие рыночной экономики респонденты рассматривают в качестве постматериалистической ценности. Заслуживает внимания общий вывод труда — различия между культурами менее значимы, чем сходство в базовых наборах потребностей. При этом главное противоречие, существовавшее в рамках материалистических культур — между традиционной властью в странах с государственным регулированием хозяйства и рационально-правовой властью в странах с индустриальной рыночной экономикой, — в условиях постмодернизации сменилась на снижение значения любой власти при одновременном росте экономического благополучия.

В значительной части мира нормы индустриального общества, с их нацеленностью на дисциплину, самоотверженность и достижения, уступают место все более широкой свободе индивидуального выбора жизненных стилей и личностного самовыражения. Сдвиг от материалистических ценностей, с упором на экономической и физической безопасности, к ценностям постматериалистическим, с упором на проблемах индивидуального самовыражения и качества жизни, — наиболее полно документированный аспект данной перемены... Этим был вызван процесс межпоколенческого изменения ценностей, постепенно трансформирующий политику и культурные нормы передовых индустриальных обществ... Сдвиг от материалистических к постматериалистическим ценностям приоритетам выдвинул на первый план новые политические проблемы и во многом стимулировал новые политические движения.

Р. Инглхарт, «Модернизация и постмодернизация»

Среди нематериалистических, т.е. духовных, потребностей (независимо от того, кто их характеризует — Инглхарт или другой исследователь) выделяются прежде всего:

- потребность в *любви*, во многом определяющая стиль взаимоотношений власти и граждан;
- потребность в *самореализации*, т.е. стремление добиться более высокого социального статуса, признания в обществе;
- потребность в *самоактуализации*, которая занимает вершину в иерархии потребностей и проявляется как реализация высших духовных начал личности, ее свободы, творческого потенциала.

Потребности побуждают человека к активности, создавая определенное напряжение внутри организма. Но *смысл* действию придает третья составляющая поведенческой формулы — особый **мотив*** (мотивация). Он выполня-

ет функцию формулирования цели и программы, что даст человеку возможность начать ту или иную деятельность. Мотивы тесно связаны с потребностями, вместе они выступают в качестве побудительных сил поведения.

Анализ мотивов политического поведения основан на фундаментальных закономерностях, изученных психологисй. Общепринята классификация, предложенная *Дэвидом Макклелландом* (1917–1998) и *Джоном Аткинсоном* (род. 1923), где выделены три ключевых мотива: власть, достижение и аффилиация (стремление быть с другими; фр. affiliation присоединение к...). Нередко мотив власти дополняется мотивом контроля — четвертым в этой схеме.

В психологической концепции Макклелланда, когда описывается мотив **власти**, речь идет не только о политическом явлении, но и о власти в семье, в отношениях на производстве, в других сферах жизни. Власть — это некая ценность, к обладанию которой в той или иной мере стремятся все человеческие существа. Но есть люди, у которых такая потребность преобладает, и тогда намерение достичь власти становится для них высшей ценностью.

Есть научные данные, что чрезмерное стремление к власти связано с обстоятельствами формирования личности, вызвавшими у нее низкую самооценку, страх пассивности, слабости, опасение оказаться в полном подчинении кому-то. В ином случае сильный мотив властвования — результат развития агрессивных и деструктивных черт личности. Поэтому власть может быть желанна по многим причинам, причем у одного и того же человека в разных ситуациях они способны изменяться. Выделяются три типа причин, по которым индивид домогается власти: 1) для господства над другими и/или ограничения их действий в целях создания угнетающих условий; 2) для того чтобы кто-нибудь над ним не главенствовал и/или не вмешивался в его дела; 3) для достижения политических успехов.

Мотив **контроля** над людьми и ситуацией — видоизменение мотива власти. Ученые придают ему особое значение, полагая, что поведение в политике напрямую связано с развитием этого психологического показателя. Известно, что по мере продвижения к социальной зрелости человек научается контролировать собственное поведение, что придает ему уверенность в своих силах, расширяет границы возможного участия в разных сферах жизни, в т.ч. в политике. Американский политпсихолог *Стэнли Реншон* обнаружил зависимость между высокими значениями субъективного контроля и степенью активности политического поведения. Эмпирическое изучение американских студентов, предпринятое этим аналитиком, показало, что есть корреляция между низким уровнем самоконтроля и недоверием к правительству, отрицательным отношением к политической системе, отчуждением от политики, в то время как лица с высо-

ким уровнем субъективного контроля обладают средней и высокой степенью доверия к власти.

С помощью теста на *локус контроля*, т.е. на субъективный контроль, всех людей можно разделить на тех, у кого этот показатель имеет высокий уровень (их называют интерналами; лат. *internal* — внутренний), и тех, у кого он имеет низкие значения (экстерналы; лат. *externus* — внешний, посторонний). Первые верят в то, что в них самих — источник их успехов и неудач, будь то работа, личная и семейная жизнь или отношения с людьми. Вторые, если терпят в чем-то поражение, всегда ищут виноватого в этом на стороне, но и свои успехи склонны приписывать удаче, судьбе, случайности или воле родителей, наставников и начальников.

В политическом поведении мотив **достижения** проявляется в заботе о самосовершенствовании, повышении мастерства, в стремлении добиться поставленных целей с максимальным эффектом. Этот значимый мотив может сделать человека карьеристом, но он же обнаруживается и у бескорыстного политика, поведение которого определяется его стремлением к общественному благу.

По мнению Макклелланда и Аткинсона, именно достижением мотивируются высокий уровень квалификации (мастерство), установление повышенных стандартов работы, манипулирование, организация физического и социального пространства, преодоление препятствий, соревнование, победа над кем-либо. Это довольно широкая трактовка понятия достижения, но в таком виде она более всего соответствует мотивации лидера. Настроенные на достижение политические деятели рассматривают других людей или группы в своем окружении в качестве фактора помощи или, наоборот, помехи для своих свершений. При этом они предпочитают быть независимыми и избегать таких межличностных отношений, которые привели бы их хоть к какой-то подчиненности.

Люди, стремящиеся к достижениям, нередко ищут власти, чтобы добиться своей цели. Они спокойнее относятся к изменениям в окружающем мире. В поведенческом складе личности с высокой потребностью во властвовании просматривается сильная ориентация на решение какой-либо задачи, а при неуспехе в самом начале дела эта цель становится для нее еще привлекательнее.

В описании мотива достижения входит еще одна концептуальная схема. *Аткинсон* и *Норман Физер* предположили, что поведение человека направлено не только на целедостижение, но едва ли не в равной мере на избежание провала в задуманном им предприятии. Они выделили два мотива, связанных с данной потребностью: достижение успеха и избежание провала, причем оба они рассматриваются во взаимосвязи с вероятностью именно успеха.

Степень эмоционального подъема после достигнутого успеха или степень унижения после провала зависят от субъективных ожиданий человека относительно его возможности добиться определенного поста в учреждении.

У. Стоун, «Психология политики»

Таким образом, намечаются два типа мотивационных подходов: 1) стремление избежать провала выше мотивации достичь успеха — таково поведение человека, отказывающегося от своей цели со словами: «Я проиграл, потому что не хотел и не пытался выиграть»; 2) ориентация на успех выше боязни провала — это типичная схема поведения активных политических лидеров.

Аффилиация подразумевает товарищеские, теплые отношения человека с его окружением. Личность, у которой преобладает данный мотив, предпочтет поведение, которое даст эмоциональный комфорт, нежели контроль над другими людьми, власть или успех. Для политика развитая мотивация аффилиации сделает значимыми одобрение со стороны партнера во время переговоров, дружественный климат и наличие команды единомышленников. Для рядовых граждан аффилиация во многом определяет принадлежность к политическим организациям, которые не только отстаивают те или иные интересы, но и дают ощущения сплоченности и защищенности.

Обратите внимание

Американские исследователи, изучавшие личности М.С. Горбачева и Дж. Буша-старшего накануне их встречи, пришли к выводу, что у обоих политиков преобладал мотив аффилиации, что позволило им эффективно провести переговоры и найти решение сложнейших проблем.

2.4. Политическое поведение в организованных и стихийных формах

Институционализированные партии и движения выделяются прежде всего тем, что поведение их членов подчиняется нормам, зафиксированным в программах и уставах. Но и в той части, где правила игры остаются неписаными, поведение **организованных политических групп** (коллективных акторов) с их четкой системой распределения ролей между лидерами и сторонниками, разделения функций, иерархическими отношениями между членами резко отличается от стихийных выступлений. Для массовых политических организаций важны взаимодействия отдельных струк-

Обратите внимание

На протяжении последних 10–15 лет в посткоммунистических странах наблюдается неоднократная смена политической идентификации не только у молодых людей, но почти во всех возрастных группах, равно как и растущее стремление отстраниться ото всех партий: граждане, отождествляющие себя с определенными политическими силами, успели несколько раз поменять свои пристрастия. В результате некогда популярные партии и движения (например, польская «Солидарность», «Демократическая Россия») быстро теряли многих своих сторонников, в то время как бывшие компартии, в большинстве подобных стран претерпевшие серьезные идеологические и политические изменения, сохранили ядро своего великовозрастного электората и частично восстановили число сторонников.

Описание организованного политического поведения будет неполным без учета *климата* (обстановки) в организации, стиля межличностных отношений в ней. Этот стиль во многом определяют индивидуальные качества лидера, в частности, его склонность к доминированию и навязыванию своего мнения (диктату) или, напротив, демократичность отношений с последователями. В психологии принято выделять авторитарный, демократический и попустительский типы климата в организации, не вкладывая в данные термины собственно политического смысла. Однако ученые не обнаружили прямой связи между демократическими, к примеру, убеждениями политика и стилем его отношений с окружением.

В отличие от организованных групп **стихийные выступления** предъявляют к своим участникам иные политико-психологические требования. К числу стихийных форм поведения в политической сфере относятся как незапланированные (или необдуманные, иррациональные) поступки, совершаемые отдельными людьми, так и неорганизованные массовые выступления, бунты, восстания, митинги протеста, самопроизвольно (спонтанно) сложившиеся и вскоре распавшиеся движения и т.п.

Обратите внимание

Студенческое движение во Франции 1968 г. («Красный май») изначально сложилось стихийно, потрясло всю страну, а затем мощно развернулось по Западной Европе. Вряд ли можно назвать его организационным ядром небольшую группку студентов, захвативших для политических выступлений, а точнее — для самовыражения, административное здание филологического факультета Сорбонны (в пригороде Парижа Нантере), которые через некоторое время создали «Движение 22 марта» во главе с 23-летним студентом-

социологом *Даниэлем Коэ-Бендитом*. 3–11 мая 1968 г. в Латинском квартале Парижа, где были выстроены баррикады, происходили уличные бои между студентами и полицией (свыше 1000 раненых); в эти дни состоялась также 60-тысячная демонстрация учащихся и примкнувших к ним молодых людей разных профессий и безработных. Стихийные волнения студентов, подлинной сутью которых были протест против навязывания молодежи ценностей старших поколений и попытка демократизации университетов, а не идейно сформулированная политика, в своих интересах и целях (повышение зарплат, отставка правительства и т.д.) использовали прокоммунистические профсоюзы и Французская компартия. Президент *Шарль де Голль* даже распустил Национальное собрание и назначил досрочные выборы. Об инициаторах массового социального протеста — студентах — к тому времени почти все забыли, а они вернулись в аудитории.

Для исследования поведения очень интересны именно его массовые формы как в силу их политической значимости, так и потому, что в них действуют иные психологические законы, чем в индивидуальных действиях. Со времен *Гюстава Лебона* (1841–1931) и *Габриэля Тарда* (1843–1904) наука мало что добавила к представлениям о механизмах массовой агрессии, паники или энтузиазма. Но тревожные события XX в. подтолкнули поиск ученых в этом направлении. Нарастание стихийных элементов политического поведения несоднократно показывало неготовность властей обеспечить безопасность граждан, оградив их от давящего воздействия толпы.

«» Под словом «толпа» подразумевается в обыкновенном смысле собрание индивидов, какова бы ни была их национальность, профессия или пол и каковы бы ни были случайности, вызвавшие это собрание. Но с психологической точки зрения слово это получает уже совершенно другое значение. При известных условиях... собрание людей имеет совершенно новые черты, отличающиеся от тех, которые характеризуют отдельных индивидов, входящих в состав собрания. Сознательная личность исчезает, причем чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, именуемое толпой, принимают одно и то же направление. Образуется коллективная душа, имеющая, конечно, временный характер, но и очень определенные черты. Собрание в таких случаях становится тем, что я назвал бы, за неимением лучшего выражения, организованной толпой или толпой одухотворенной, составляющей единое существо и подчиняющейся закону духовного единства толпы.

Исчезновение сознательной личности и ориентирование чувств и мыслей в известном направлении — главные черты, характеризующие толпу, вступившую на путь организации, — не требуют неспре-

менного и одновременного присутствия нескольких индивидов в одном и том же месте. Тысячи индивидов, отделенных друг от друга, могут в известные моменты подпадать одновременно под влияние некоторых сильных эмоций или какого-нибудь великого национального события и приобретать, таким образом, все черты одухотворенной толпы. Стоит какой-нибудь случайности свести этих индивидов вместе, чтобы все их действия и поступки немедленно приобрели характер действий и поступков толпы... С другой стороны, целый народ под действием известных влияний иногда становится толпой, не представляя при этом собрания в собственном смысле этого слова. Одухотворенная толпа после своего образования приобретает общие черты — временные, но совершенно определенные. К этим общим чертам присоединяются частные, меняющиеся сообразно элементам, образующим толпу и могущим, в свою очередь, изменить ее духовный состав.

Г. Лебон, «Психология народов и масс»

Стихийное поведение чаще всего является массовой реакцией людей на политический кризис и нестабильность. Для этой реакции характерно преобладание иррациональных, инстинктивных чувств над осознанными и прагматическими. Причины и непосредственные поводы к возбуждению энтузиазма или недовольства толпы могут быть самыми разнообразными и необязательно политическими: от победы национальной футбольной команды до падения курса валюты. Так, было доказано, что всплеск солнечной активности нередко способствует возникновению не только массовых эпидемий, но и социальных волнений, крайних политических выступлений (экспессов), участники которых могут и не осознавать возбуждающее влияние внешней среды.

Начиная с работ *Лебона*, *Зигмунда Фрейда* (1856–1939), *Владимира Михайловича Бехтерева* (1857–1927) и вплоть до современного французского социопсихолога *Сержа Московичи*, поведение толпы (массы) весьма подробно описано в психологии. Под своеобразным углом зрения явление массового политического участия рассмотрел выдающийся испанский философ *Хосе Ортега-и-Гассет* (1883–1955) в своем труде «*Восстание масс*» (1930).

Интерпретация

Интересное объяснение возникновения в последние десятилетия XX в. массы (толпы) суперсовременного типа, новейших видов массового, в т.ч. политического, поведения представил *Московичи* в предисловии к русскому изданию (1997) своей книги «*Век толп*» (1981). Он считает, что основой этого процесса явились рас-

ширение наднациональных сообществ, гигантская урбанизация с непомерно большими рынками, а его катализатором выступила информационная революция. Электронные сети все теснее связывают между собой людей, раскиданных по всему земному шару, но, вместе с тем, вторгаются в частную жизнь. Все ныне происходящее непременно отразится на мировой и национальной политике. «Мы сегодня присутствуем при *глобализации* масс, при образовании массы мирового масштаба... И бурное развитие систем мультимедиа до предела ускорит этот процесс. Наконец, политика в отношении таких огромных сообществ, успех которых зависит от систем мультимедиа, теперь еще больше, чем в прошлом, становится массовой политикой. Культ личности, хотя его так и не называют, из исключения превращается в правило, а ослабление партий почти повсюду только укрепляет могущество лидеров. Положение лидеров в условиях демократии незавидно. Однако стремление к власти — самое распространенное в обществе явление и кандидатов всегда будет в избытке».

Исследователи, как правило, подчеркивают, что в толпе человек чувствует себя анонимным, что подталкивает его к действиям более рискованным и безответственным. Эти действия могут быть героическими, но не менее вероятны насилие, вандализм и хулиганство. Иррациональность поступков объясняется стадным чувством, которое позволяет отдельным участникам отключить свою волю, сознание и действовать по законам толпы.

Исчезновение сознательной личности, преобладание личности бессознательной, одинаковос направление чувств и идей, определяемое внушением, и стремление превратить немедленно в действия внушенные идеи — вот главные черты, характеризующие индивида в толпе. Он уже перестает быть самим собой и становится автоматом, у которого своей воли не существует.

Таким образом, становясь частицей организованной толпы, человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации. В изолированном положении он, быть может, был бы культурным человеком; в толпе — это варвар, т.е. существо инстинктивное. У него обнаруживается склонность к произволу, буйству, свирепости, но также и к энтузиазму и героизму, свойственным первобытному человеку, сходство с которым еще более усиливается тем, что человек в толпе чрезвычайно легко подчиняется словам и представлениям, не сказавшим бы на него в изолированном положении никакого влияния, и совершает поступки, явно противоречащие и его интересам, и его привычкам. Индивид в толпе — это песчинка среди массы других песчинок, вздымаемых и уносимых ветром.

Г. Лебон, «Психология народов и масс»

Толпа (масса) как тип социальной группы характеризуется одновременно и аморфностью, и однородностью. В ней часто вообще нет лидера, но если он появляется (нередко это происходит путем самовыдвижения), то толпа принимает на себя всего две политические роли: лидера и его последователей. Власть вожака бывает неограниченной, так как идущие за ним не размышляют, а слепо следуют приказам и призывам.

Обратите внимание

Поведение толпы подчиняется закономерностям разных уровней. В ней на человека воздействуют, например, и чисто физические факторы — духота, резкие звуки (выстрелы, оглушающе громкая ритмичная музыка). Нередко стихийное возмущение массы подогревается алкоголем и наркотиками, что даст дополнительный отрицательный эффект.

Собственно психологические факторы, такие как нарастание чувства неуверенности, страха, недоверия к официальным средствам информации, ведут к возникновению слухов, паники, агрессии. Эмоции в массовом скопище людей распространяются по собственным законам — они многократно усиливаются под влиянием заражения и внушения. Это явление было названо *циркуляторной реакцией*.

Всегда находятся политические силы, готовые применить стихийную активность толпы в выгодных для себя целях. Такой прием чаще всего используют анархистские, экстремистские, право- и леворадикальные, а также ультра националистические движения и партии, для которых характерно стремление воздействовать на бессознательную, инстинктивную мотивацию участников политического процесса. Психологи (например, Московичи) выявили, что именно лидерам и активистам вышеперечисленных течений присущи большой репрессивный потенциал, т.е. склонность к агрессивному поведению и к насилию, а также авторитарная структура личности. Не менее важно и то, что подобные политики зачастую опираются на определенные социальные группы, которые из-за условий жизни (в частности, обездоленность, малообразованность) открыты для соответствующих влияний. В античности их называли охлосом (черню) в отличие от демоса (народа).

Наиболее податливы к распространению стихийных форм политического поведения маргинальные слои в силу утраты традиционных ценностей, привычных социальных ориентиров, отчуждения от общества. Быстрые политические изменения и преобразующиеся условия жизни вызывают протест таких людей против стирания вероисповедальных, национальных, расовых и иных границ, некоторым образом структурировавших их мировоззрение.

Для политического поведения экстремистского типа характерен определенный набор ценностей и целей, установок и стилевых особенностей. Первое, что нужно выделить, — это духовная ущербность и антиинтеллектуализм подобных коллективных акторов. Они апеллируют к предрассудкам, которым сильно подвержены именно маргинальные слои. Собственно идейные соображения не бывают ни главной движущей силой, ни особенной ценностью экстремистских движений, поскольку для последних бессознательность, эмоции, инстинкты, истовая вера или суеверия — питательная среда. Политические лидеры соответствующего толка для сплочения людей вокруг себя умело насаждают и используют стихийность.

Не стоит надеяться, что взрывное политическое поведение толпы — явление, которое сам ход истории, высочайшие темпы развития современной личности оставляют в прошлом, XX столетии. О его актуализации в самом начале XXI в. свидетельствуют массовые и довольно агрессивные выступления так называемых антиглобалистов, среди которых гораздо больше образованных и вполне обеспеченных людей, чем тех, кого по меркам прошлого века можно было бы назвать маргиналами.

3. ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ И ЕГО РАЗНОВИДНОСТИ

3.1. Формы политического участия

Как понятно из предшествующего изложения, политическое поведение — это довольно широкая по своему содержанию категория (политический характер может принять любое событие либо действие, например: болезнь государственного деятеля, игра на бирже на повышение/понижение курса национальной валюты и т.п.), подразумевающая, помимо всего прочего, и участие, и неучастие индивидуальных и коллективных акторов в политике.

В самом общем плане **политическое участие*** определяется как индивидуальные или групповые действия с целью влияния на власть любого уровня. Современные концепции политического участия рассматривают его как сложное, многомерное явление, включающее самый широкий набор приемов, связанных с оказанием политического влияния, и изучают зависимость его форм и степеней активности от факторов психологического, социального, экономического, культурно-исторического и иного характера.

«□□□□» Политическое участие — это различные формы политической деятельности, такие как голосование, назначение политиков на должность, работа добровольцев в избирательной кампании или участие в протесте. То есть все те формы активности, целью которых является воздействие на правительство.

Б. Гинсберг, Т. Лоун, М. Уизр, «Мы, Народ. Введение в американскую политику»

Вступая в упорядоченные, формализованные отношения с другими людьми, с различными организованными группами, человек *участвует* в политической жизни. Существуют три основных вида политического участия: 1) несвободное и неосознанное, например, основанное на спонтанном волевом импульсе, на обычае или на каком-то принуждении; 2) сознательное, но несвободное — человек руководствуется осмысленной им потребностью следовать жестким нормам и регламентам; 3) сознательное и свободное — личность способна преодолеть конфликт рационализированных ею потребностей, осуществить выбор и тем самым расширить границы своих возможностей во многомерном и постоянно развивающемся политическом мире.

Габриэль Алмонд и Сидней Верба в своей знаменитой теоретической модели политической культуры первый тип участия, а также его носителя — политическую личность именуют **парокиальным**, т.е. ограниченным непосредственными, простейшими интересами и взаимодействиями; второй — **подданническим**; третий — **партиципаторным** (гражданственным или собственно участническим). Эти политологи выделили также смешанные или переходные формы участия (например, подданническо-партиципаторную, для которой характерно сочетание довольно высоких требований (субъективных или объективных) к политической личности и существенно ограниченных (субъективно либо объективно) ее возможностей).

И в истории, и в современной общественной жизни встречаются многообразные эволюционирующие формы политического участия. В ходе фактически любого значимого социально-исторического процесса, особенно переходного типа — от монархии к республике, от колониальной зависимости к независимости, от отсутствия партий к многопартийности, от авторитаризма к демократии и т.д., — совершенствуются традиционные и возникают новые виды политического участия. Начиная с XVIII–XIX вв. европейское и североамериканское политическое развитие, протескавшее в русле общих тенденций модернизации, характеризуется расширением политического участия все более массовых групп и категорий населения.

В силу многообразия переменных, или факторов, определяющих политическое участие, не существует какой-то единственной классификации

его форм. Участие можно рассматривать по следующим группам показателей: 1) *легитимное* (выборы, согласованные с властями митинги и демонстрации, петиции и пр.) и *нелегитимное* (гражданское неповиновение, терроризм, восстание, переворот); 2) *институционализированное* (голосование, участие в деятельности партии) и *неинституционализированное* (массовые волнения, не признанные законом группировки с политическими целями и пр.); 3) имеющее *местный* или *общенациональный* характер. Возможны и другие варианты типологизации. В любом случае категории политического участия удовлетворяет ряд условий: во-первых, это должен быть конкретный политический акт, включая его словесное (вербальное) выражение, а не просто некая, никак не проявившаяся эмоция; во-вторых, участие, за рядом исключений, добровольно (т.е. это не уплата налогов, не служба в армии, не обязательная праздничная демонстрация при тоталитарном режиме); в-третьих, участие является действительным, а не фиктивным при наличии реального выбора, альтернативы.

Некоторые политологи, например *Хантингтон* и *Липсет*, уточняют, что тип политического участия в значительной мере определяется характером существующего политического режима. К примеру, противоположностью нормального, свойственного демократическому устройству автономного и добровольного участия выступает принудительное, *мобилизованное* участие (см. *политическая мобилизация**), присущее тоталитарным режимам, которые стремятся к символическому вовлечению масс в политические зрелища для имитации своей общественной поддержки. Вообще, те или иные формы политического участия могут создавать направленные воздействия, искажающие индивидуальную и групповую психологию. Так, боязнь аномии, с одной стороны, и давление слишком высоких требований к личности — с другой, порождают различные навязчивые либо истерические психические состояния (неврозы) в политическом поведении людей, наиболее показательным среди которых является «бегство от свободы» (его описал *Эрих Фромм*; 1900–1980). Фашизм и другие разновидности тоталитаризма дают немало примеров подобного бегства от свободы.

Путь к избавлению от политических неврозов связан с развитием личностного начала в политике. Сверх того, совершенствование современной личности невозможно без использования потенциала политического участия. Экономическая насыщенность, технологическая изощренность или культурная утонченность не в состоянии сегодня возместить человеку недостаток возможности свободно оперировать политическими ролями, эффективно использовать свои права. Другой важный аспект проблемы индивидуального и коллективного политического участия — определение его оптимальных границ как с точки зрения стабильности системы, так и относительно конкретных партий и движений.

Интерпретация

Когда в конце 1960 - начале 1970-х гг. в странах Запада возникла необходимость активизировать политическое участие ранее пассивных слоев населения, правящие элиты разработали специальные программы для привлечения в политику таких групп, как женщины, этнические меньшинства, религиозные объединения и пр. Но результат вышел неожиданным: произошел сдвиг общественной жизни вправо — «новобранцы» оказались весьма консервативными, чем и вызвали поворот политического процесса к более традиционалистским ориентирам. Таким образом, воздержание от политической деятельности пассивных и консервативных слоев населения до определенного предела идет на пользу развитию демократических процессов.

В своде мировой политологической литературы по политическому поведению последних десятилетий проблемы политической активности и участия, их форм и факторов, географических различий и т.д. занимают центральное место.

Классической теорией политической активности признана так называемая *базовая модель* участия, созданная *Вербой и Норманом Наем*. В качестве базовых факторов политической активности эти политологи рассматривают социально-демографические характеристики населения. Другая общепризнанная концептуальная схема — *когнитивная модель* участия, основанная на учете внутреннего мира, субъективного представления о внешней реальности, которыми люди руководствуются по-разному: для одних — это средство отгородиться от воздействия и давления (экспансии) внешней среды, для других — орудие, помогающее организовать более или менее масштабные подъемы активности. Еще одной фундаментальной концепцией политического участия является *ценностная модель*. Ее главный тезис — влияние набора определенных ценностей на вовлеченность в политический процесс (например, постматериалистических ценностей, над чем работает Инглхарт и его последователи). Сохраняет свой высокий научный статус и схема так называемой *депривации* (фр. *déprivation* — лишенность, угнетенность), связанная с предположением, что направленность социального самочувствия питает склонность к различным формам политической активности (например, уровень неудовлетворенности влияет на предрасположенность к участию в протестных видах политической активности).

В своих исходных положениях и, более того, концептуальных выводах все вышеуказанные модели пересекаются и дополняют друг друга. На этих обстоятельствах основаны различные попытки построения *интегративных моделей* политического участия, которые учитывают взаимодействие факторов, являющихся базовыми для вышеуказанных концепций.

Специалисты, изучающие политическое поведение, полагают, что объективные показатели участия необходимо дополнить психологическими данными, среди которых они особо выделяют *восприятие индивидом своего участия, чувство вовлеченности в политику и мотивацию* партиципаторной деятельности. При наложении этих субъективных аспектов участия на разные типы активности в политике получаются интересные классификации, дающие более объемное представление о политическом поведении. Исследования с использованием таких показателей обнаружили, что неактивные граждане, которые фактически отстраняются почти от любых политических действий, психологически не испытывают чувства вовлеченности или ощущение личного контроля над событиями. Напротив, активисты, участвующие во всех формах деятельности, имеют определенные навыки и психологически включены в происходящие процессы.

Обратите внимание

Английские политологи, интересовавшиеся политическим поведением своих соотечественников, выявили, что среди тех, кто участвует в так называемых альтернативных (новых) социальных движениях — миротворческих, экологических, женских, коммунитарных и пр., — большой процент составляют люди из истеблишмента, одновременно входящие во всевозможные партии (включая правящую), правительственные комиссии и включенные в другие традиционные формы политической жизни. «Только голосующие», как правило, не участвуют больше ни в каких других видах деятельности (в данной группе — большинство взрослых британцев, предпочитающих эту самую простую форму). Из приведенной ниже *таблицы* (Д. Каванах, «*Политическая наука и политическое поведение*», 1999) видно, что «*групповые активисты*», например, больше представлены в США, чем в Великобритании. «*Партийные активисты*» (или «*участники кампаний*») составляют также в Англии меньшую долю, чем в США.

Распределение типов политического поведения в США и Великобритании (в % к числу опрошенных)

Виды активности:	Великобритания	США
неактивные	19,6	24,7
только голосующие	62,6	23,6
групповые активисты	8,1	22,5
партийные активисты	6,7	16,9
активисты вообще	3,0	12,4

Активная психологическая вовлеченность имеет разный смысл в каждой из политических культур. В западных культурах членство в партиях воспринимается индивидом без обязательного погружения в дела партии. Освоение этой роли происходит довольно просто. Человек может быть активистом, посещать партсобрания и различные манифестации, внимательно наблюдать за сообщениями СМИ или читать специальную литературу. Психологически, по своим интересам, ориентациям, по насыщенности жизни политическими контактами он мало отличается от более пассивной части населения. Его интерес к политике и знания о ней, а также социальный статус лишь незначительно выше, чем у других групп населения. Такая ситуация с партийным поведением связана с тем, что в своих активистах партии нуждаются преимущественно при регулярных избирательных кампаниях, когда идет мобилизация сторонников для поддержки партийного кандидата на выборах.

3.2. Электоральное поведение

Важное направление изучения политической активности — исследование поведения избирателей и их политических предпочтений. В развитых демократических полициях электоральное поведение занимает особое место среди всех форм политической активности, ибо именно тогда избиратели делегируют полномочия своим представителям. Однако доля электорального поведения среди других видов активности отличается весьма сильно. Так, в Великобритании в голосовании принимает участие в среднем 75% избирателей, в США — 53%.

Обратите внимание

Само по себе участие в голосовании, несмотря на всю его важность, все же еще недостаточный показатель, чтобы судить о развитости политической сферы. В Великобритании интересуются политикой 20% населения, 8% являются индивидуальными членами партий и 2% — их активистами. Эти данные еще раз говорят о том, что действительная активность, предполагающая компетентность и сложную политическую деятельность, удел незначительного меньшинства населения.

Как отмечает российский политолог *Е.Ю. Мелешкина* («Политический процесс: основные аспекты и способы анализа», 2001), в области электоральных исследований выделяются три главных методологических направления: 1) социологическое; 2) социально-психологическое; 3) теория рационального выбора. Их представители делают основной акцент на раз-

личных базовых факторах формирования электорального поведения: соответственно, социальные и демографические характеристики; политическая и/или идеологическая идентификация; рациональный расчет.

Одной из классических моделей электорального поведения, которая долгое время фактически определяла содержание работ по этой теме, была так называемая **социологическая**. В ее основе — исследования поведения избирателей исходя из фактора социальной дифференциации. Представители данного направления подчеркивали групповую основу голосования, фактически отвергая личностную трактовку формирования политических предпочтений. Известнейшая работа под редакцией представителей этого течения в политологии *Линсета и Стейна Роккана «Партийные системы и размежевание избирателей»* (1967) была посвящена рассмотрению влияния социально-групповых конфликтов на идеологическую и партийную дифференциацию. По мнению авторов книги, различия между социальными группами обеспечивают потенциальную базу для политических конфликтов, создавая одновременно проблемное поле политики и социальную опору партий. По итогам проведенного анализа авторы сделали вывод об устойчивости существующих социально-политических противоречий.

Взаимовлияние институтов политического представительства и политических ориентаций послужило одной из посылок другой признанной модели электорального поведения — **социально-психологической**. Ее сторонники считают голосование инструментом для демонстрации избирателями своей политической идентификации, долгосрочных чувств преданности, которые они испытывают к отдельным партиям. В соответствии с социально-психологической моделью электоральный выбор определяется отношением избирателей к трем субъектам политического процесса: кандидатам-политикам, партиям и общественным группам. Влияние причин последнего рода на политические предпочтения не отрицается, однако партийная идентификация, формируемая в процессе социализации, играет роль своеобразного фильтра, через который пропускается информация, относящаяся ко всем этим субъектам. Несмотря на то что в краткосрочной перспективе каждый из этих факторов осуществляет независимое воздействие на электоральный выбор, все вместе они выступают своеобразными каналами передачи (трансляции) партийной идентификации на электоральное поведение граждан. Данная модель успешно использовалась при изучении поведения избирателей Западной Европы и США, а термин «партийная идентификация» стал одним из самых распространенных в данных исследованиях.

В 1960–1970-е гг. в связи с процессами социально-политических преобразований, происходящими под влиянием структурного кризиса индустриального общества, выявилась очевидная ограниченность вышеописанных подходов. Этот кризис повлек за собой распад классических социаль-

но-классовых групп, усложнение социальной структуры, развитие новых средних слоев населения, увеличение мобильности населения, в т.ч. географической. В настоящее время наблюдаются тенденции значительного снижения влияния социальных факторов на политические предпочтения избирателей, ослабления партийных ориентаций избирателей, снижения идеологического противостояния, а также усиление влияния краткосрочных факторов. Тем не менее все эти факторы продолжают оказывать существенное воздействие на электоральное поведение.

Еще одна тенденция развития электорального поведения — рационализация формирования политических ориентаций и появление категории нового избирателя, которая (в зависимости от страны) составляет около 10–15% электората. Эта группа избирателей характеризуется в первую очередь мобильностью, неустойчивостью политических предпочтений, несмотря на регулярное участие в выборах. Ее представители, как правило, выходцы из наиболее образованных средних слоев населения, из так называемого социологического центра. Они молоды, хорошо информированы, скептически настроены в отношении идеологий. Их участие в электоральных процедурах определяется позицией потребителя.

Возникновение этой группы избирателей отражает процесс рационализации электорального выбора. На уровне образования политических предпочтений данный процесс проявляется и в увеличении влияния на электоральный выбор позиции граждан по отдельным проблемам, в частности по экономическим. Если раньше воздействие позиции избирателей по конкретным вопросам опосредовалось принадлежностью к социальной группе или к партии, групповым восприятием, то теперь оно в равной степени может осуществляться напрямую в связи с происходящей индивидуализацией восприятия политики.

На исследовательском уровне отмеченные изменения нашли свое отражение в развитии модели **рационального выбора** и ее многочисленных разновидностей, трактующих то или иное голосование как процесс индивидуальных предпочтений избирателя в соответствии с его интересами. Так, в рамках теории ретроспективного голосования *Морриса Фиорини* (род. 1946) в большей степени подчеркивается рациональный аспект электорального выбора и партийных предпочтений. В теории избирателя как потребителя *Хильды Химмельвейт* (1918–1989) ставится акцент на индивидуальном и инструментальном выборе избирателя в зависимости от перечня конкретных проблем.

Рассмотрение электорального поведения сейчас приобретает новое содержание; очевиден повышенный исследовательский интерес к ним в связи с анализом политических процессов в так называемых новых демократиях, в т.ч. в России и в других постсоветских странах.

3.3. Кризисы политического участия и основные способы их разрешения

Изучение кризисов политического участия и их преодоления — весьма важное направление сравнительной политологии. Под кризисами политического участия, как правило, подразумеваются ситуации, когда правящая элита* не в состоянии создать институциональные условия для того, чтобы вобрать растущие требования участия в политике, идущие со стороны различных новых социальных групп. Часто кризисы политического участия бывают обусловлены претензиями таких новых социальных групп на соучастие во власти, на вхождение в политическую элиту. Принято связывать это обстоятельство с модернизацией, или осовремениванием, общества, начавшейся в Европе в XVIII–XIX вв. Также исследования во многом опираются на теории *Гаэтано Моски* и *Вильфредо Парето*.

И в современных, и в модернизирующихся обществах люди более склонны создавать добровольные ассоциации — частично для удовольствия, частично для обмена информацией, частично для регулирования собственных действий, но почти всегда для оказания влияния на правительство. По преимуществу новые ассоциации, которые могут принимать форму групп интересов или партий, местных или национальных организаций, просто занимают свое место в политической системе наряду с другими группами, что нередко приводит к кризису политического участия в стране.

М. Вайнер, «Политическое участие: кризис политического процесса»

МОСКА (Mosca), Гаэтано (1858, Палермо — 1941, Рим) — итальянский правовед, социолог и политолог, создатель оригинальной теории элитизма; государственный деятель либерального толка.

Автор работ, среди которых: «Теория правительств и парламентское правление. Исторические и социальные исследования» (1884); «Современные конституции» (1887); «Основы политической науки» (в 2 т., 1896; дополн. изд. 1923, опубликовано на англ. языке в 1939 г. под назв. «Правящий класс»); сборник поздних римских лекций «История политических доктрин» (1936) и др.

Вклад в развитие политической мысли. Опираясь на исторические исследования политических институтов и идей, а также на свой опыт политической деятельности, Моска пришел к выводу, что во всех обществах вне зависимости от формы правления существует организованное меньшинство — *политический*

класс (ит. *classe politica*), который формирует систему государственного управления и правит неорганизованным большинством, не участвующим в реальном осуществлении власти, а только подчиняющимся ей. Правящий класс реализует всю полноту власти («принимает решения, осуществляет власть, принуждает и надзирает») исключительно в соответствии с собственными интересами; при этом никому не подконтролен и почти не зависит от электоральных процедур, ибо он сложнее и масштабнее, чем видимые структуры публичной политики. В более поздних изданиях своих работ Моска употреблял термин *правлящий класс* (ит. *classe dirigente*). Как утверждал Дж. Сартори, исследовавший идеи Моски, — это два различных концепта, возникших в ходе эволюции доктрины политического класса: в *правлящий класс* входят все правящие меньшинства (политическое, экономическое, социальное, религиозное, интеллектуальное, технологическое, военное, бюрократическое и т.д.), а *политический класс* есть часть правящего класса, чья непосредственная задача состоит в осуществлении политической власти. На разных исторических этапах политический класс может формироваться на основании одного, но в реальности сразу нескольких критериев, среди которых: военный (основной принцип — доблесть), религиозный (принцип — священство, сан) и наследственный (принцип — происхождение, аристократизм). Для «высокоразвитых цивилизованных обществ» особую важность приобретает критерий, основанный на выдающихся личных качествах и способностях (*меритократия*), дающих возможность (при «прохождении проверки» и наличии «профессиональной квалификации») выполнять некие государственные функции и войти в состав политического класса. Как указывал Моска в поздних работах, политический класс не является чем-то монолитным. У кормила государства находится очень небольшая группа правителей, способных оказывать серьезное воздействие на основную часть политического класса, который выполняет своего рода роль посредника в передаче приказов и требований между госруководителями и неорганизованной массой, обеспечивает преемственность и стабильность (в данном случае — но не во всех работах — Моска идентифицировал политический класс с государственной бюрократией).

Политический класс обязательно создает свою *политическую формулу*, представляющую собой совокупность доктрин, мифов, верований, принципов и т.п., для выполнения функции легитимизации его господства и действий, нацеленных на сохранение или изменение существующего порядка. Есть два типа таких формул: основанные на вере в сверхъестественное (божественное происхождение королевской власти) и исходящие из внешне рациональных принципов (народ как источник власти). Но конкретные формулы могут содержать черты обоих типов (например, источниками тогдашней итальянской монархии провозглашались божественное провидение и народная воля) и со временем утрачивать рациональную составляющую. Кроме того, политическая формула призвана обеспечивать единообразное понимание норм и ценностей правителями и народом. Моска выделял также «новую политическую формулу» («свобода, равенство и братство») — плод Просвещения и Французской революции 1789 г., но считал ее неосуществимой в силу полного несоответствия политико-историческому контексту.

В контексте данного раздела вновь следует вернуться к понятию элиты.

В традиционном обществе, если и происходит смена правящей элиты, то это, как правило, не затрагивает более массовые слои населения. Однако процессы модернизации, связанные с экономическим развитием и следующими за ним изменениями в социальной структуре и в доминирующих политических ориентациях крупных групп населения, одним из следствий имеют расширение слоя активных политических участников. В их сознании особую ценность приобретают чувство гражданского долга, информированность, понимание того, что политическая сфера непосредственно касается их личной жизни, наконец, вера в то, что отдельный индивид, независимо от своего изначального социального статуса, может и вправе оказывать свое влияние на общественные процессы. Все это создает необходимые экономические, социальные и психологические предпосылки для расширения политического участия масс.

Интерпретация

В политической науке существует много концепций элиты. *Ценностные концепции* в значительной степени сохраняют нормативный и первоначально *позитивный* смысл понятия элиты как «лучших из лучших», «избранных»; общество, соответственно, делится на элиту, которая рассматривается в качестве малочисленной творческой и активной части общества, способной к управленческим функциям, и массы — *Парето, Ортега-и-Гассет, Тойнби* и др. Однако есть и иная группа концепций, истолковывающих элиту преимущественно как правящий класс, сплоченную и закрытую группу, стремящуюся осуществлять власть только в своих интересах — *Москва, Чарльз Райт Милле* (1916–1962), неозлитаристы *Томас Дэй* и *Хармон Зиглер*, французские социологи *Моник* и *Мишель Пенсон* и др.

Элитизм как социальный принцип, ведущий к авторитаризации, часто противопоставлялся социалистическим доктринам и демократии. Однако в 1930–1940-х гг. появились концепции, объединенные под общим названием «демократический элитизм», которые, наоборот, рассматривали элитизм в качестве практики существующих демократий. Одним из основоположников этого теоретического направления был *Йозеф Шумпетер*, утверждавший, что различные элиты выносят на «рынок» свои политические программы, предлагая («продавая») их избирателям на выборах. В целом в политической науке весьма распространены теории демократии, в которых элиты выступают выразителями интересов различных социальных групп и, конкурируя друг с другом в условиях плюрализма, способствуют сохранению демократии, не допуская узурпации власти какой-либо группой.

Результат процесса модернизации во многом зависит от того, созданы ли (и какие) институциональные условия для того, чтобы рост политического участия происходил в формах, приемлемых для данной политики. Политической системе легче ассимилировать увеличение участия, если имеются предназначенные для этого подходящие институты и институциональные механизмы.

Считается, что кризисы политического участия возникают в тех случаях, когда правящая элита считает нелегитимными требования и поведение отдельных новых социальных групп, стремящихся к активному включению в политический процесс.

Такие ситуации обычно разнятся между собой. Правящая элита может считать, например, что в силу разных причин только она одна предназначена для осуществления управления в данном обществе, и поэтому напрочь отменяет претензии иных групп на участие в политике (так было в монархиях, при аристократиях, при правлении одного этноса и т.п.). Кризис участия вполне реален и тогда, когда стремящиеся к активному вовлечению и влиянию на политику слои организованы в группы, статус которых правящая элита признает нелегитимным (например, Ирландская республиканская армия или движение курдских повстанцев). В иных ситуациях правящая элита, не ставя под сомнение саму идею включения в политику новых социальных групп, считает нелегитимными и отвергает конкретные методы и способы выдвижения этих требований (гражданское неповиновение, политическое насилие и т.д.). Наконец, в некоторых случаях сами требования, к примеру о расширении политического участия, могут восприниматься правящей элитой как неправомерные, нелегитимные (категорические настояния об отделении тех или иных территорий или об учреждении одной «государственной» религии в поликонфессиональном, многосоставном обществе).

Понятно, что та или иная разновидность кризиса политического участия — не обязательно полная катастрофа для существующей политики, поскольку открывается возможность для поиска решения назревшей проблемы.

Есть разные пути разрешения кризиса. Наиболее оптимальным вариантом считается **институциональная адаптация**, т.е. ситуация, когда в рамках данной политической системы удастся найти институциональное решение: создаются новые процедуры выборов и электоральные институты, совершенствуется партийная структура и формируются организованные группы интересов. В этом случае возможно соглашение между правящей элитой и контрэлитой, стремящейся к участию в принятии ключевых политических решений. В тенденции такой путь ведет к развитию самых современных моделей представительной демократии.

«» Решение о включении новых участников в конце концов привело к каким-нибудь большим институциональным изменениям в политической системе. Наиболее важными из них были учреждение выборных институтов, системы всеобщего избирательного права для взрослого населения и института законодательных инноваций, гарантирующих право собрания... Как только институциональные изменения состоялись, новые институты могут в дальнейшем облегчить включение в политическую систему других новых групп.

М. Вайнер, «Политическое участие: кризис политического процесса»

Другим — альтернативным — вариантом решения сложившегося кризиса участия может быть **авторитарный выход**, т.е. отказ от поиска институционального варианта для расширения эффективного политического участия или даже его насильственное ограничение путем введения запретов, репрессивных мер. Такой путь нередко ведет к формам принудительного, мобилизационного или имитационного участия, полностью без которого не могут обойтись даже авторитарные режимы.

«» Правящая элита может стремиться обеспечить политическое участие населения в некоей форме для достижения одной либо нескольких нижеследующих целей: ...для создания или усиления чувства национальной идентичности; для увеличения регулирующих и в особенности экстрактивных возможностей государства; короче говоря, поддержка нужна для образования армии, сбора растущих налогов, введения и исполнения новых законов; правящая элита может рассматривать участие в качестве необходимого шага для вовлечения населения в мероприятия по экономическому развитию; наконец, элита способна добиваться проявления поддержки со стороны общества для увеличения своих внешнеполитических возможностей (для того чтобы иметь вес в мире и влиять на соседние государства, элита хочет и нуждается в демонстрации поддержки у себя в стране).

Создание общественной поддержки может заменить необходимость развития определенных институтов и других стимулов. Власти способны попытаться нарастить возможности по сбору налогов путем учреждения партии или собирая массовые демонстрации вместо создания эффективного административного аппарата с высокой экстрактивной способностью (либо наряду с ним). Подобным же образом для увеличения экономического роста власти могут воспользоваться общественной поддержкой в качестве заменителя экономических стимулов, заставляющих людей больше инвестировать, лучше работать или заниматься инновациями.

М. Вайнер, «Политическое участие: кризис политического процесса»

Наконец, в качестве промежуточного, но по сути своей **умеренно-авторитарного варианта** может выступать ситуация, когда правящая элита, не готовая к интеграции новых импульсов политического участия, идет на создание неких иллюзорных его форм, как бы оболочивает, «заталкивает» новую политическую активность в рамки существующих традиционных структур. В таком случае оппозиционным партиям и движениям формально предоставляются права на соревнование в политическом процессе, однако реальная структура распределения и воспроизводства власти не дает им никаких реальных шансов на успех.

Кризисы политического участия периодически воспроизводятся даже в современных демократических системах, имеющих большой потенциал их разрешения. Причины их повторения кроются в динамике нынешнего общества (например, под влиянием экономических и технологических перемен появляются новые социально-экономические группы, бросающие вызов старым ценностям и группам) и в возрастных (генерационных) изменениях (институты, созданные предыдущим поколением, могут не соответствовать потребностям следующего поколения, ищущего варианты разрешения своих проблем).

Вопросы для семинарского занятия

1. Как соотносятся характер личности, ее политическое поведение и роль?
2. Как возникают и закрепляются отношения между людьми в политике?
3. В чем суть поведенческого подхода и «поведенческой революции» в политической науке?
4. Какое влияние оказывает среда на политическое поведение?
5. Как и почему возникает «бегство от свободы»?
6. Как изменяется поведение человека в толпе? Можно ли контролировать толпу?
7. Оценивая сегодняшнюю российскую реальность, назовите обстоятельства, мешающие вам принять более активное участие в политической жизни.
8. Какое влияние оказали социально-экономические и политические трансформации последних десяти лет на соотношение в России «материалистов» и «постматериалистов»?
9. Какие формы политического участия представляются вам наиболее важными и эффективными в нынешней России? Сравните их с доминирующими формами участия в развитых странах.

Тексты

- Лебон Г. *Психология народов и масс*. — СПб., 1995.
- Московичи С. *Век толп. Исторический трактат по психологии масс*. — М., 1996.
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. — Ортега-и-Гассет Х. *Избранные труды*. — М., 1997.
- Политическая наука: новые направления*. — М., 1999. — Гл. 8, 9, 10, 11.
- Фромм Э. *Бегство от свободы*. — М., 1990.
- Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. *The American Voter*. — N.Y., 1960.
- Downs A. *An Economic Theory of Democracy*. — N.Y., 1957.
- Kavanagh D. *Political Science and Political Behaviour*. — L.—Boston, 1983.

Дополнительная литература

- Андреев С.С. Политическое сознание и политическое поведение. — *Социально-политический журнал*. — 1992. — № 8.
- Афанасьев М.Н. Поведение избирателей и электоральная политика в России. — *Полис*. — 1995. — № 3.
- Вятр Е. *Социология политических отношений*. — М., 1979. — Гл. 12.
- Гаман-Голутвина О.В. *Политические элиты России*. — М., 1998.
- Гозман Л.Я., Шестопад Е.Б. *Политическая психология*. — М., 1996.
- Ильин М.В., Коваль Б.И. Личность в политике: «Кто играет короля?». — *Полис*. — 1991. — № 1.
- Каверин С.Б. *Потребности власти*. — М., 1991.
- Левчик Д.А., Левчик Э.Г. Типы политического поведения населения. — *Социс*. — 1997. — № 12.
- Мадатов А.С. Проблемы политического участия в демократическом процессе. — *Социально-гуманитарные знания*. — 1999. — № 2.
- Сграхов А.П. Особенности политического поведения российских избирателей: политико-культурный аспект. — *Вестник МГУ, сер. 12. — Политические науки*. — 1998. — № 5.
- Херманн М. Стили лидерства в формировании внешней политики. — *Полис*. — 1991. — № 1.
- Шестопад Е. *Психологический профиль российской политики 1990-х*. — М., 2000.